

ОСКОРБЛЕНИЯ ВЛАСТИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ КРЕСТЬЯН ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1908–1916 ГГ.¹

Фролов Виталий Николаевич
Ассистент, ФГБОУ ВО Псковский
государственный университет
rector@pskgu.ru

INSULTS TO THE AUTHORITIES AS AN EXPRESSION OF THE PROTEST SENTIMENTS OF THE PEASANTS OF THE PSKOV PROVINCE 1908–1916

V. Frolov

Summary: This article examines insults to the authorities and their representatives as a non-violent form of expressing protest sentiments. The aim of the study is to analyze illegal peasant protests (insults to the authorities) in the Pskov province from 1908 to 1916. The study includes criminal cases and official reports to the governor, which recorded instances of insults to the authorities, the church, and faith. Most of these insults were committed while intoxicated and were situational or "carnival-like" in nature. The analysis reveals the presence of a stratum of peasants dissatisfied with the authorities, whose protest sentiments reflected the loss of the sacred status of the authorities, associated with the tsar as their supreme symbol. The article also notes law enforcement practices regarding insults to the authorities, concluding that insults to religious symbols and clergy were met with harsher penalties than insults to the authorities. Overall, the study demonstrates that the period 1908–1916 was characterized by a marked increase in the number of peasants. In the Pskov province there was a time of relative calm, but the process of accumulation and expression of protest created the preconditions for the subsequent revolutionary events of 1917–1918.

Keywords: insults to the authorities, peasant protest, protest sentiments, Nicholas II, peasants.

Аннотация: В статье рассматриваются оскорбления власти и ее представителей как ненасильственной формы выражения протестных настроений. Целью исследования является анализ крестьянского нелегального протеста (оскорбления власти) в Псковской губернии 1908–1916 гг. Материалами исследования стали уголовные дела и официальные рапорты губернатору, фиксировавших случаи оскорблений власти, церкви, веры. Большинство из оскорблений совершались в состоянии алкогольного опьянения и носило ситуативный или «карнавальный» характер. На основе анализа определяется наличие прослойки недовольных властью крестьян, чьи протестные настроения отражали утрату сакрального статуса власти, ассоциируемой с царём как её верховным символом. В статье также отмечается правоприменительная практика в отношении оскорблений власти, делается вывод о более строгом наказании за оскорбление религиозных символов и священнослужителей по сравнению с оскорблениями власти. В целом, исследование демонстрирует, что период 1908–1916 гг. в Псковской губернии был временем относительного спокойствия, однако процесс накопления и выражения протеста создавали предпосылки для последующих революционных событий 1917–1918 гг.

Ключевые слова: оскорбления власти, крестьянский протест, протестные настроения, Николай II, крестьяне.

Введение

Псковская губерния 1908–1916 гг. представляла собой аграрную потребляющую губернию, более 90% населения которой было крестьянами. Особенностью губернии в данный период была ее спокойная репутация. Чаще всего крестьяне прибегали к ненасильственным формам выражения протестных настроений. Первая российская революция и крестьянское движение имели место здесь лишь в 1905–1906 гг., тогда как 1907 г. обстановка в губернии характеризо-

валась как спокойная. Крестьянское движение даже в пиковый для губернии 1906 г. имело весьма ограниченный размах, в сравнении с движением в черноземье или центральных губерниях [41; 42]. Межреволюционный период исследования 1908–1916 гг. является «затишьем перед бурей» и характеризуется в источниках как спокойный, поэтому при изучении крестьянских протестных настроений необходимо сфокусироваться на анализе оскорблений власти и ее представителей – как на важной предпосылке уже революционных событий на Псковщине в 1917–1918 гг.

¹ Исследование выполнено в рамках реализации гранта ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» по мероприятию «Выполнение прикладных научных и научно-методических исследований (проектов) молодыми учеными по приоритетным направлениям Программы развития университета на 2025–2036 годы» (приказ № 0905–001 от 05.09.2025).

Материалы и методы

Материалами исследования послужили уголовные дела об оскорблении представителей власти, в том числе императорской семьи, хранящиеся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО). Данные источники крайне ценны для анализа протестных настроений крестьян, т.к. несут в себе отражение общекрестьянских стереотипов и образов власти. Для достижения цели исследования был проведен их анализ. Методологией исследования является принцип историзма и объективности, признание принципа крестьянской субъектности. Протестные настроения разделены на насильственную и ненасильственную форму выражения. Насильственная – на умеренный и радикальный протест. Ненасильственная – на легальный и нелегальный протест. Оскорбления представителей власти классифицируются как нелегальный протест ненасильственной формы выражения протестных настроений.

Литературный обзор

Проблема оскорблений власти со стороны общества волнует многих исследователей с конца 1950-х гг. Однако нельзя сказать, что к ней обращаются часто. Советская историография обратила внимание лишь на источниковедческую сторону оскорблений власти, хотя и отметила, что уголовные дела как источник несут в себе высокий потенциал для изучения крестьянских настроений [36]. Стоит отметить, что в контексте исследований общественных настроений крестьян в 1977 г. авторский коллектив И.М. Волкова, В.П. Данилова и В.П. Шершбитова обозначил общественные настроения одним из перспективных направлений для исследования [3]. Однако развитие изучения настроений связывается с принятым курсом на деидеологизацию науки и с отказом от многих социально-исторических представлений. Советские ученые указывали на высокую политическую сознательность крестьян. Конечно, на развитие историографии не могло не повлиять и осознание белых пятен вместе с накоплением обширного материала.

Одним из ключевых исследователей оскорблений власти крестьянами на постсоветском этапе является Б.И. Колоницкий. В отличие от советских предшественников, ученый считал, что оскорбления чаще всего носили стихийный «карнавалый» характер, а не осознанный классовый. Исследователь доказал типичность ругательных практик и разработал классификацию крестьянских оскорблений [37]. Отдельно стоит упомянуть и В.Б. Аксенова, который сосредоточился на правоприменительной практике статей за оскорбления и обратил внимание на его влияние на десакрализацию самой власти в эпохи двух последних войн Российской империи: Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1917 гг.). Автор выделил сходства и различия об-

щественного дискурса и отметил, что во время Первой мировой ругань власти стала более разнообразной и эмоциональной [1].

На региональном уровне историографии настроения крестьян Псковской губернии и их оскорбления власти не подвергались специальным исследованиям, однако тема ненасильственного протеста косвенно изучалась Н.В. Патраш в ее работах о судопроизводстве в губернии в годы Первой мировой [39; 40], а также тему ненасильственного протеста крестьян Псковской губернии во второй половине XIX – начала XX в. в контексте исследования общины касались Л.В. Алиева [2] и Н.П. Никитина [38].

Результаты

В период с 1908 по 1916 гг. в Псковской губернии было зафиксировано множество случаев сквернословия в сторону местной власти, духовных лиц, императора и его семьи. Необходимо начать с оскорблений в сторону органов власти, местных ее представителей.

Примером оскорблений суда может стать случай, произошедший 27 марта 1908 г. Степан Николаев из села Посадниково (Посадниковская волость, Новоржевский уезд) произнес: «Это не суд, а собарня» [10, л. 5]. Вину не признал. По его словам, он действительно увидел собаку. Сначала волостной суд приговорил за это к семи суткам ареста, затем крестьянин подал жалобу, и дело отправили в уездный съезд, который вынес оправдательный приговор, т.к. крестьянин эти слова произнес после суда, а не во время [10, л. 37].

Другой похожий случай имел место 18 апреля 1911 в Липецком волостном суде (Великолукский уезд) во время разбирательства за поправу овса. Причем случай, судя по всему, вышел курьезным. Крестьянин Иван Волофеев в нетрезвом виде произнес слова: «Какой это суд» и затем обругал состав суда матерной бранью [16, л. 5]. Крестьянин отмечал, что свидетели могут показать, что произнес он эти слова не лично суду, а соседям под воздействием сильного эмоционального возбуждения от новости о штрафе в 5 рублей [16, л. 13]. Выругался он, решив, что решение было не в его пользу, на самом же деле – это ему присудили 5 рублей с оппонентов. Некоторые свидетели указывали, что он был внутри помещения и ругал суд. Несмотря на курьез, преступление имело место и поэтому крестьянина приговорили к аресту на пять дней [16, л. 19].

Случай оскорбления представителя власти был 21 сентября 1909 г. Крестьянина Михаила Степанова задержали в г. Торопец за «буйство». Крестьянин оскорбил полицейского «кровопийцей» и попытался сорвать погон. Вину полностью отрицал и просил о свидетелях, которые подтвердят невиновность. Приговорили к шести

месяцам тюрьмы [20, л. 51].

Другой эпизод оскорблений представителей власти произошел 23 августа 1910 г., когда крестьянин Николай Ельчинов (Старинская волость, Торопецкий уезд) был приговорен к семи суткам ареста за нарушение спокойствия. 17 января 1911 г. он подал земскому начальнику жалобу с апелляцией и оскорблениями: «Разгневанный писарь настроил протокол, подговорил кандидата старшины подписаться»; «я много слышал о неправосудности в волостных судах»; «решение земского начальника является убийственным»; «каково было смотреть совершенно трезвому человеку» и др. Утверждал, что намерения оскорбить кого-либо не имел. За такую апелляцию он был приговорен на один месяц ареста.

2 июля 1915 г. крестьянин нанес оскорбления порховскому городскому за поборы, назвав его грабителем и подлецом. Апелляцию оставили без последствий [7, л. 18]. В апелляции крестьянин писал, что не оскорблял городского, а возмутился внезапным требованием заплатить не 20 копеек, а 40 [7, л. 11]. Крестьянин намеревался оспаривать решение Съезда и написал на него кассационную жалобу в Присутствие [7, л. 21].

Неуважение к верховной власти так же высказывалось некоторыми крестьянами. Например, 28 сентября 1909 г. Алексей Федотов из села Сущево (Новоржевский уезд) рассказывал, что служил в армии, но «нисколько не почитал и не уважал царя. Крестьянин продолжал: «Да его и почитать не следует, потому что он ничего не дал и не даст». Затем в пьяном виде кричал рабочим, выходящим из лесопильного завода: «Ребята, долой Царя, мы сами будем править!» [9, л. 4] По итогу крестьянин признал вину, но в защиту говорил, что был слишком пьян. Приговорили к аресту на один месяц [9, л. 48].

Можно привести другой пример зафиксированного неуважения к власти в общем. В ноябре 1909 г. крестьянин Кузьма Зиновьев деревни Лысцево (Горицкая волость, Великолукский уезд) научил детей петь антиправительственные песни. Материалы дела свидетельствуют: «Крестьянские дети Федор Егоров, 10 лет, Петр Егоров, 8 лет, публично пели преступную песню следующего содержания: «Вся Россия торжествует, Николай вином торгует, Саша булки продает. По России слух прошел, Николай с ума сошел. Стражи нам не надо, и полиция не почем, мы царя за член повесим» [11, л. 5]. Отрицал вину. Приговор не сохранился.

Другие антиправительственные песни распевались 7 ноября 1910 г., крестьянином поселка Великолукский Ям (Великолукский уезд) Авксентием Леуськовым в пивной лавке. Он кричал такие частушки: «Приказал царь Трепову издать манифест: «мертвым свободу, живых под арест»; а также изволил говорить следующие слова: «Бога нет, скоро возьмут Москву»; «Москва и Петербург

скоро исчезнут, а Царя не будет»; «Бога нет, а есть только один Христос»; «Составляется какой-то союз, что скоро развалятся Петербург и Москва». Более того, крестьянин просил скрипача в пивной сыграть революционный гимн: «Отречемся от старого мира», дополняя песню «крестьянским» припевом: «И от водки и пива» [22, л. 5, 84–85]. Крестьянин не признал вину. Стоит отметить, что исполнявший должность судебного следователя не нашел состава преступления в этих высказываниях [22, л. 93], однако суд приговорил его к аресту на три месяца [22, л. 31].

Случаи пения оскорбительных и неуважительных частушек фиксировались и позднее. Губернатору А.В. Адлербергу 10 января 1911 г. приходили сообщения, что 6 января на ярмарке в деревне Кушнерево (Липецкая волость, Великолукский уезд) пели: «Бога нет, царя не надо... Губернатора убьем и в солдаты не пойдём».

За пение песен революционного содержания 1 февраля 1911 г. был задержан крестьянин Петр Васильев из г. Великие Луки. В канцелярии пристава он указал на портрет царя и произнес, что его арестовали «за этого Кольку» [19, л. 5]. После крестьянин вину отрицал и утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Приговорили на два месяца ареста [19, л. 88]. Слова «за этого Кольку» отражают взаимосвязь в крестьянском сознании между верховной властью и личностью царя. Крестьянин распевал революционные песни и для самого себя он выступал «против Кольки».

Прямо революционные воззрения показал крестьянин Павел Мальгин. 21 апреля 1913 г. он был задержан и во время разговора в квартире полицейского урядника был пьян. При свидетелях он произнес: «В ясных пуговицах надо всех повесить и расстрелять, подождите, голубчики, не долго вам всем остается царствовать, выберем своего государя и тогда будет наша воля!» [6; 8, л. 15].

Прямые оскорбления личности царя составляют значительную часть сквернословий в сторону власти и выделены отдельно.

Ругали царя и словом «дурак». Например, Иван Захаренков из г. Новоржев 12 декабря 1909 г. произнес: «А наш царь, ей Богу, дурак» [12, л. 5]. Иван не признал вину, утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Приговорили на один месяц ареста [12, л. 34].

Крестьянин деревни Васильево (Дворицкая волость, Новоржевский уезд) Иван Жук пел: «Сдадут в солдаты, служить не буду Николаю-дураку». Иван говорил, что пел по своей глупости [35, л. 6]. Приговорили к аресту на семь дней [35, л. 38].

Зосим Орлов из села Михайлево (Торопацкая волость, Холмский уезд) 20 декабря 1909 г. произнес: «Го-

сударь все пропил, да прогулял, так что теперь воевать не на что: бутылками не повоюешь, а орудий нет [14, л. 5]. Утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Приговорили к аресту на два месяца [14, л. 30].

Родион Пирогов из погоста Посадниково (Новоржевский уезд) 31 марта 1910 г. произнес о царствующей семье: «Бросьте этих бесей, 9 мая их будут крошить» [13, л. 4]. Крестьянин скрылся от правосудия.

Судили крестьян и за действия в сторону изображенного императора. Так, 6 декабря 1910 г. в пылу домашней ссоры крестьянин деревни Велихново 2-е (Аксеновская волость, Новоржевский уезд) Михаил Трофимов бросил на пол икону и портрет царя, в результате чего они разбились. Крестьянин был приговорен к аресту на три месяца [18, л. 44].

Из рапорта псковского уездного исправника от 5 февраля известно, что во время свадьбы в помещении домохозяина Егора Ильина, проживавшего в деревне Заполье (Палкинская волость, Псковский уезд) неизвестным был разрезан портрет государя [19, л. 6–7].

Другой случай был 16 августа 1911 г., когда крестьянин Иван Титов в состоянии алкогольного опьянения сорвал карту Российской империи с изображением царя, а также портрет царя, царицы и наследника и разорвал со словами: «Здесь собачьей шкуре висеть нечего» [23, л. 5]. Категорически не признал вину. Суд не смог доказать виновность крестьянина и оправдал его [23, л. 42].

Не обходилось и без «буйств» отдельных крестьян, находившихся в алкогольном опьянении, сопровождавшимся погромами лавок и оскорблениями власти. 26 декабря 1910 г., к крестьянину деревни Анюшкино (Клинская волость, Великолукский уезд) явились крестьяне соседних деревень Волково и Малахово (Встеселовская волость, Торопецкий уезд) и потребовали дать им водку. После отказа крестьяне «произвели там буйство». Когда потерпевший стал уговаривать прекратить потасовку, предупреждая, что они могут случайно разбить иконы, то крестьянин Дмитриев назвал иконы «простыми досками, оклеенными бумагой» и произнес: «Бога нет, я твоих Богов выгоню вон!» – После этого он схватил полено и бросил в угол, где весели иконы. Полено угодило в икону преподобной Ефросинии и разбило её. Дмитриев говорил: «За это в Сибирь не загонят, да к тому ли Сибирь наш царь проиграл и нам Псков дал», а другой буйствующий крестьянин Фадеев в это время распевал: «Государь наш водкой торгует, а мужик, ходя горюет, мы, не стеснясь водку пьём и все рамы перебьём!». Слова «Государь наш водкой торгует» и «Сибирь наш царь проиграл» – ясно свидетельствуют о разочаровании крестьян во внешней и внутренней политике Николая II. Мнение о царе как о «виноторговце» отражает падение авторитета самодержавия после введения винной монополии: персона са-

модержца приравнена к лавочнику-торговцу спиртным. Вину крестьяне категорически не признали. Были приговорены к аресту на шесть месяцев [21, л. 67].

Из рапорта от 1 февраля 1911 г. известно, что в Торопецком уезде один крестьянин назвал императора «виноторговцем» [19, л. 3–5].

Очередной зафиксированный случай оскорбления царя «виноторговцем» было 21 июля 1911 г. на народном гулянии. Играя на балалайках, крестьяне пели: «Наш государь Николай торжествует, в кабаке вином торгует, а государыня б... [торгует телом – В.Ф.]» [16, л. 13–14]

В рапорте от 4 августа 1911 г. докладывали о поимке дезертира. Бывший солдат-крестьянин из Холмского уезда в качестве причины своего ухода со службы называл политические причины: «Всё равно хотя и поймали опять меня, но служить Николаю не буду, Николай водкой торгует, а Россия голодует» [16, л. 12]. И снова видно выражение мнения по крайней мере части крестьянства о царе как о виноторговце.

В феврале 1913 г. так же сохранялась алкогольная тематика в отношении части крестьян к царю. В селе Скоково (Вязовская волость, Великолукский уезд) крестьянин обозвал стражников собаками, когда те сделали ему замечание: он лез вне очереди покупать вино. В ответ те возразили, что служат царю и отечеству. На это он ответил: «Царь такой же прохвост, как и вы, открыл кабаки, а войти в них нельзя» [5].

Фиксировались в документах и неворосторженные высказывания крестьян. Например, 18 февраля во время службы в храме заупокойной панихиды по императору Александру II крестьянин Карл Данилов сказал, исходя из рапорта исправника губернатору: «За покойного государя императора Александра II помолимся, а за настоящего Николая – не нужно. Не за что молиться» [19, л. 10–11].

В январе–феврале 1913 г. крестьянине разных Новоржевского, Островского, Псковского и Порховского уездов говорили про царя: «подлец, обижающий крестьян», «Какой ты бродяга – так и Государь, который принял вас на службу» [8, л. 1–7, 8, 25, 31].

Крестьянин деревни Клин (Дорогостицкая волость, Порховский уезд) Игнатий Федеров в мае 1915 г. оскорбил царя словами: «Ты служишь не государю, а бесу» [8, л. 128–135],

Особо интересными представляются крепкие ругательства в сторону императора и его семьи. Крестьянин из села Горки (Великолукский уезд) Степан Тимофеев Воронов 28 февраля 1911 г. в чайной лавке Ковалева оскорбил царя во время спора о земле: «И ты и царь оди-

наковые х...» [половой член – В.Ф.], обращаясь к тестю [15, л. 5]. Утверждал, что был пьян и ничего не помнил. Приговор: арест на три недели [15, л. 32].

Эпизод неуважительных и оскорбительных высказываний зафиксирован, когда 19 ноября 1911 г. крестьянин деревни Алол (Кудеверская волость, Новоржевский уезд), Семен Буланкин, произнес: «разье... [уничтожить – В.Ф.] хотел вашего государя» [25, л. 5]. Утверждал, что хотя и был пьян, но помнил, что не говорил. Приговорили к аресту на три месяца [25, л. 32].

Другой похожий случай имел место 14 июля 1912 г., когда крестьянин деревни Мелехово (Максимовская волость, Великолукский уезд) Андрей Игнашенков заявил, что ни за что не пойдет в солдаты. Возражение полицейского стражника, что солдаты необходимы в службе императору, встретило такой ответ: «Сегодня и завтра е... [совершаем половой акт – В.Ф.] Государя императора и теперь вся Россия идет против Государя и ожидается только восстание войск» [24, л. 5, 46]. Категорически не признал вину, заявив, что он не оскорбления говорил, а сделал стражнику замечание, что тот в пьяном виде не имеет прав носить царское оружие [24, л. 5]. Приговорили к трем месяцам ареста [24, л. 32].

Некоторые солдаты хулили Николая II. Например, рядовой 14 стрелкового сибирского полка Андрей Корольков родом из Туровской волости (Торопецкий уезд), который в разговоре с секретарём заявил о царе: «Его недостойно называть «ваше превосходительство», – а затем небрежно ударил кулаком по портрету и добавил: «мать его е...». За это солдата выгнали вон, а позднее – поставили на учёт.

Крестьяне ругали бога и веру. Так, 12 ноября 1911 г. крестьянин Иван Снетков в г. Новоржев произнес: «Бог х. и х.. его зовут». Обвинение: «Возложил хулу на славимого в Единосущной Троице бога» [29, л. 5]. Утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Приговорили к аресту на пять месяцев [29, л. 44].

Другой показательный случай произошел 26 марта 1912 г., когда крестьянин деревни Шмани (Серебренецкая волость, Великолукский уезд) Александр Петров произнес об иконе: «Это не бог, и не икона, а х ...» [28, л. 5]. Утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Приговорили на шесть месяцев [28, л. 30].

Еще один эпизод случился 10 мая 1913 г., когда крестьянин села Осипово (Локонская волость, Холмский уезд) Алексей Дергачев произнес: «Это не икона, а доска»; затем ткнул в икону св. Николая папиросой со словами: «Надо его угостить... надо покурить, на, покури, какой это бог, видишь, не берет», затем поднес к иконе водку со словами: «Пей, видишь, не пьет, а еще сегодня его праздник» [32, л. 5]. Крестьянин отрицал вину. При-

говорили к аресту на шесть месяцев [32, л. 23].

Конфликт религиозного и светского сознания покаывает случай, имевший место 24 ноября 1913 г., когда крестьянин деревня Бослаки (Кудеверская волость, Новоржевский уезд) Василий Бослак опроверг хвалу богу за полученную работу: «Если-бы я спал, то и не заработал бы», – и далее нецензурная брань: «я е.. не хотел вашего бога и вас с ним вместе» [34, л. 3]. После он утверждал, что был пьян и не знает, что говорил. Приговорили к аресту на четыре месяца [34, л. 34]. Крестьянин запросил отсрочку в исполнении приговора, т.к. он устроен плотником и его работа необходима для постройки земского училища [34, л. 53], но отсрочку не дали и привели в исполнение [34, л. 68].

Иногда ругань веры сопровождалась с руганью царя. Так, 18 декабря 1911 г. крестьянин Николай Лебедев в деревне Метлино (Баранецко-Озерецкая волость, Торопецкий уезд) произнес: «Бога не чтем, царя е...». О мотивации он говорил так: «Хожу из-за вас, хотим, чтобы вам земли дали... вы хотите, чтобы вам больше жалования платили да уменьшили число рабочих часов». Лебедев оказался участником «беспорядков в городе С-Петербурге» в 1905 г. Помимо прочего он говорил: «Какой у нас государь, мать его ети, он пастух, хуже пастуха, его убить надо... мы государя сменим, мать его ети, и выберем другого». На вопрос крестьянина-оппонента, а не на пьяницу ли заменят, ответил, что выберут крестьяне, как выбирают волостного старшину [26, л. 5]. Утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Крестьянин был амнистирован в связи с манифестом 21 февраля 1913 г. [26, л. 27].

Конфликт представителя церкви и крестьянина отразил случай 9 декабря 1912 г. В тот день крестьянин Михаил Красногородский из погоста Медведово (Медведовская волость, Великолукский уезд), согласно обвинительному акту, подошел к священнику Александру Яхонтову в храме для выслушания резолюции Псковской духовной консистории о наложении на него эпитимии. Священник потребовал чаще посещать церковь. На это крестьянин ответил: «Вы сами почаще служите и поменьше валяйтесь в канавах». Обозвал священника «обиралой» и «слепыми вожжами» [30, л. 5]. Крестьянин написал прошение, где был не согласен с обвинительным актом: ругался он не из-за эпитимии. Крестьянин также просил об адвокате и о свидетелях, которые докажут, что священник был пьян и лежал в канаве, крестьянин просил в свидетели тех, кто вытаскивал священника из канавы. Крестьянин доказывал: «Я вовсе не имел в виду нанести ему оскорбление, а сказал лишь одну правду» [30, л. 17]. Приговорили на четыре месяца ареста [30, л. 36]. Прошение-жалоба крестьянина была оставлена без последствий [30, л. 56].

Акт глумления над церковными обрядами был за-

фиксирован в марте 1913 г., когда крестьяне погоста Нишавицы (Пожинская волость, Торопецкий уезд) Иван Яковлев и София Бурлакова самостоятельно во время великого поста совершили «акт причастия» в издевательской форме. Яковлев взял полотенце, надел шапку и спросил её: «Водку пьешь? Халву ешь?» Бурлакова ответила: «Пью, ем». На слова Яковлева «ведь нельзя же» ответила: «А мне бог позволил». Яковлев накинул на нее полотенце и произнес: «Отпускаются грехи твои», налил ей водки и «причастил» [30, л. 5]. Вину не признали. Данные крестьяне подавали заявление и прошение о невиновности [30, л. 39, 44]. Приговорили к месяцу ареста [30, л. 38].

Среди крестьянок так же были недовольные. Устный протест и в Псковской губернии выражался в агрессивной форме. 1 ноября 1910 г. крестьянка деревни Ново-Сокольники (Великолукский уезд) Анна Николаева в состоянии алкогольного опьянения произнесла: «Хоть бы этого Царя убили, он кровопийца» [17, л. 5]. Дело против нее прекратили, т.к. она была осуждена за более тяжкое преступление (кражу) [17, л. 18].

Другой случай произошел 22 января 1912 г., когда крестьянка Ирина Владимировна в погосте Речан (Хворостьевская волость, Торопецкий уезд) в церкви оскорбила священника «свиньей», «дураком», «г...» [Экскременты – В.Ф.] и, плюясь, вышла из церкви [27, л. 5]. Утверждала, что была пьяна и ничего не помнит. Приговорили к аресту на 1 месяц [27, л. 39].

Намерение убить императора высказывала и крестьянка деревни Гороватка (Горицкая волость, Великолукский уезд) Анастасия Мазина. В мае 1915 г. она сказала: «Будь бы царствующий император поближе ко мне, то я застрелила бы его из ружья сама». Кроме того, называла его змеем, идолом, глотом, демоном, забастовщиком, посадским, дураком [35, л. 3]. Приговорили на два месяца ареста [35, л. 50]. Однако Государь помиловал её [35, л. 60].

Обсуждение

Необходимо отметить, что здесь приведены все зафиксированные правоохранителями случаи оскорблений органов власти и власти в целом имевших место в губернии 1908–1916 гг. Их небольшое количество за столь обширный период свидетельствует об общих спокойных умонастроениях крестьян в межреволюционный период. Однако все же представляется возможным выделить в крестьянстве Псковской губернии прослойку недовольных властью или ее представителями. Именно выразители мнения данной прослойки были зафиксированы в источниках и несли уголовную ответственность.

Принято расценивать устные крестьянские оскорбления в сторону власти и ее представителей до 1915

г. как протест «пьяный» [1, с. 87]. Нельзя не согласиться, что оскорбления и в Псковской губернии 1908–1916 гг. выражались в основном в пьяном состоянии. При этом многие крестьяне указывали на невозможность вспомнить, о чем они говорили и категорически отрицали вину.

Если оскорбления представителей власти или органов суда имели характер ситуативный, то оскорбления власти верховной посредством частушек и песен несли скорее «карнавальный» характер.

Переходя к образам власти, следует принять факт наличия у русских крестьян начала XX в. патерналистского сознания и мышления. В связи с этим, у крестьян в виду специфики их сознания власть всегда ассоциируется с ее верховным выразителем, в нашем случае – с царем, поэтому некоторые эпизоды с упоминанием царя в оскорбительном контексте были отнесены именно к оскорблениям верховной власти, но не конкретно личности царя, т.к. смысл ругани был не в оскорблении царя лично, а в выражении неуважения к власти в общем смысле. Через анализ уголовных дел и рапортов губернатору видно, как часть крестьян уже перестала видеть власть «своей», власть в ее глазах уже потеряла сакральный статус.

В рамках Псковской губернии 1908–1916 гг. нельзя точно определить оказывалось ли снисхождение к крестьянам со стороны суда, оскорблявшим власть в пьяном виде или нет, поскольку практически все осужденные были пьяны во время совершения преступления. С другой стороны, ясно видно, что поругание веры, обрядов, оскорбления священников наказывалось строже, чем оскорбление личности царя.

В Псковской губернии женщинами выражалось желание лично убить царя. В этой связи нельзя не согласиться с выводами В.Б. Аксенова о более эмоциональных и образных угрозах расправ с царем от женщин.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ крестьянского нелегального протеста (оскорбления власти) в Псковской губернии 1908–1916 гг. позволил разбить оскорбления на несколько видов: оскорбления органов и представителей власти, выражение неуважения к верховной власти, личные оскорбления императора и его фамилии (как устные, так и через порчу изображений), оскорбления церкви и ее обрядов, оскорбление веры. Обнаруженные в источниках эпизоды оскорблений представителей власти, церкви, царской семьи и их анализ показал существование в крестьянской среде Псковской губернии 1908–1916 гг. прослойки крестьян, явно недовольных сложившимися порядками, настроенных к власти негативно, воспринимающими ее как не «свою», а как «чужую».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В.Б. Война и хула: уголовные дела об оскорблениях императорской семьи в годы Русско-японской и Первой мировой войн как исторический источник // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 86–101.
2. Алиева Л.В. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России: 1906–1930-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Псков, 2004. 314 с.
3. Волков И.М., Данилов В.П., Шерстобитов В.П. Проблемы истории советского крестьянства // История СССР. 1977. № 3. С. 3–18.
4. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 2908. Л. 9.
5. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3021. Л. 10.
6. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3022. Л. 2.
7. ГАПО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 71. Л. 21.
8. ГАПО. Ф. 262. Оп. 1. Д. 3. Л. 135.
9. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 112. Л. 77.
10. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 113. Л. 99.
11. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 115. Л. 30.
12. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 126. Л. 46.
13. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 127. Л. 61.
14. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 128. Л. 75.
15. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 138. Л. 82.
16. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 139. Л. 79.
17. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 140. Л. 67.
18. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 141. Л. 80.
19. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 142. Л. 106.
20. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 143. Л. 153.
21. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 145. Л. 130.
22. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 150. Л. 110.
23. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 151. Л. 94.
24. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 152. Л. 88.
25. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 153. Л. 81.
26. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 155. Л. 86.
27. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 160. Л. 67.
28. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 164. Л. 69.
29. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 165. Л. 70.
30. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 178. Л. 90.
31. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 180. Л. 72.
32. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 181. Л. 70.
33. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 190. Л. 60.
34. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 274. Л. 85.
35. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 275. Л. 85.
36. Иванов Л.И. Дела о привлечении крестьян к ответственности по 103-й и 246-й статьям как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. 1959. Т. VIII. С. 119–134.
37. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 657 с.
38. Никитина Н.П. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России, 1861–1906 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Псков, 1999. 254 с.
39. Патраш Н.В. Организация судопроизводства Псковской губернии в условиях Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Псковской области) // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всероссийской научной конференции, Самара, 15 декабря 2015 г. / Под ред. Е.Ю. Семенович. Вып. 2. Самара: Самарский государственный технический университет, 2015. С. 157–160.
40. Патраш Н.В. Судебные учреждения Псковской губернии и их деятельность в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. [Место защиты: Брян. гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского]. Псков, 2019. 255 с.
41. Фролов В.Н., Алиева Л.В. Динамика крестьянских выступлений в Псковской губернии в период Крестьянской революции // Клио. 2024. Вып. 1 (205). С. 137–144.
42. Фролов В.Н., Алиева Л.В. Формы выражения протестных настроений крестьянством Псковской губернии в 1902–1913 гг. // XVII Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 20 октября 2023 г.: в 2 т. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2023. Т. 2. 372 с. С. 353–356.

© Фролов Виталий Николаевич (rector@pskgu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»